

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-191-200

Актуальная поэтика былины

Статья 1

© *Игумнов Андрей Георгиевич*

доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: anigumnov@mail.ru

В статье рассматриваются комментарии и ремарки былинных сказителей, сделанные ими по ходу исполнения былин. Главный акцент при этом делается на том, как в комментариях и ремарках выражаются неосознаваемые представления сказителей о былинной поэтике. Одна из ее особенностей, видимая из комментариев и ремарок и ставящая былину в один ряд с некоторыми текстами с развитой повествовательностью, — это актуальность для некоторых былинных исполнительских актов некоего общего закона, требующего обозначить завершение вербального повествовательного текста посредством специальных формул. В былинах это формульная концовка типа «Еще тем былиночка покончилась». В украинских думах для этой же цели служат формульные обращения кобзарей к «люду христианскому», в восточнославянских мифологических рассказах — выражение личного отношения рассказчика к рассказанному в аспекте веры vs неверия.

Ключевые слова: былина, поэтика, исполнение, сказитель, сказительские ремарки, сказительские комментарии.

Через восемь лет после первого издания книги «Русский героический эпос» В. Я. Проппа [6], в 1956 г., ее автор сделал весьма примечательное признание: «Мы... не знаем, что такое былина...¹ Я знаю *сюжеты* былин, но я не знаю их структуры» [1, с. 368]. Здесь В. Я. Пропп имел в виду, во-первых, жанровые особенности былины. Об этом он прямо говорит несколькими строками выше: «С этим («с научным определением жанра» — *А. И.*) у нас дело обстоит плохо...» [Там же]. Во-вторых, под структурой былины он понимал структуры, подобные структурам волшебной и кумулятивной сказок, заговора и частушек: «По структуре мы пока, собственно говоря, умеем определять только волшебную сказку, кумулятивную сказку, заговоры и частушки» [Там же]. Трудно, конечно, утверждать, что из былинных текстов могут быть выделены подобные структуры и их определение будет достаточным для ответа на вопрос «что такое былина». Тем не менее слова В. Я. Проппа своей актуальности, конечно, до сих пор не утратили применительно как к фольклорному жанру вообще, так и к былине в частности. Показательна хотя бы осторожность Б. Н. Путилова, с которой он

¹ Далее не менее примечательно: «...былина, не говоря уже о балладах или исторических песнях, в понимании которых царит полнейшая путаница» [1, с. 368].

характеризует существующие в науке точки зрения на фольклорный жанр, всячески избегая при этом категоричности и конкретности и фактически не высказывая собственной точки зрения [2, с. 163–183]. Об этом же свидетельствует, в частности, и «логическая» (и фактическая) неопровержимость понимания былины, сформулированного С. И. Дмитриевой. Отказавшись от содержания как жанрового критерия (что кардинально противоречит общепринятой точке зрения), поскольку его учет, согласно С. И. Дмитриевой, ведет к неразрешимым противоречиям, к единственным бесспорным жанровым признакам былины она относит «особенности поэтики, а именно: наличие выдержанных приемов ретардации, повторений, традиционных эпических формул, гиперболизации, традиционного былинного стиха» [3, с. 18; 4].

Нужно, впрочем, признать, что в вопросах фольклорного жанра достигнута достаточная определенность, особенно в связи с задачами классификации материала. Известные эмпиричность и конвенциональность жанровых дефиниций мало препятствуют решению этих задач. Вместе с тем любая возможность все-таки уточнить систему жанровых качеств не должна оставаться втуне. Категория жанра слишком значима для фольклористики, и ее эвристические потенции далеко еще не исчерпаны.

В свое время А. П. Скафтымов в поисках «внутренне организующих стержней былины» обратился к поискам «единого направляющего чувства», обуревающего сказителя, «под горением которого» «должны естественно само собой проникаться единством и предметы, и краски, и свет, и вся словесная организация целого в данном варианте». И далее: «Под воздействием основного импульса как центрального задания все составные части рассказа должны были получить определенное, заданное им (мыслью или чувством) формоустремление, в результате чего должна была естественно получиться та иерархическая субординирующая взаимозависимость и неразрывность компонентов, та цельность и единство, без которых немислимо никакое произведение искусства» [5, с. 46–47]. Помимо своего собственно научного содержания эта работа замечательна еще и тем, что она часто цитируется учеными очень разных взглядов, находящих в ней дополнительную аргументацию для своих выводов, часто прямо противоположных [6, с. 13; 7, с. 176; 8, с. 43, 67, 68; 9, с. 8–33]. Более того, некоторые выводы А. П. Скафтымова вообще носят характер самоочевидных, объективно не требующих каких-либо ссылок на своего первооткрывателя. Так, Д. С. Лихачев, говоря об эпическом времени былин, буквально повторяет один из выводов А. П. Скафтымова, не ссылаясь при этом на него: «Былина развивается по принципу наибольшего выделения главного героя...» [10, с. 230]. Разумеется, Д. С. Лихачев пришел к этому выводу независимо, но тем выше выглядит непреложность и самого вывода. Добавим, кстати, что это не единственный случай такого рода.

Возникает, однако, вопрос, во всем ли своем объеме архитекtonика былины описывается известными положениями А. П. Скафтымова, все ли «основные импульсы» или «центральные задания», или «формоустремления» ему удалось установить. Задаваться этим вопросом (помимо априорной не-

возможности решить такого рода задачу в полном объеме) требует, во-первых, то, что вовсе не все утверждения А. П. Скафтымова выглядят равно убедительными, а некоторые есть результат вовсе натяжки. Это очень хорошо показал В. П. Аникин, посвятив разбору его названной работы целую главу [9, с. 8–33].

Во-вторых, не все из выделенных А. П. Скафтымовым закономерностей былинной архитектоники являются специфически былинными. Так, композиционный принцип наибольшего выделения главного героя вовсе не является достоянием исключительно былинной поэтики, но известен историческим песням, жестоким романсам, сказкам и едва ли не всем иным фольклорным жанрам с относительно развитой или даже малоразвитой повествовательностью.

В-третьих, если уж говорить о неких художественных задачах, решавшихся сказителями известных нам былин, было бы неплохо спросить об этом самих сказителей.

Фольклористика, к сожалению, такой возможности уже не имеет. Мало кто из собирателей последовательно выяснял, что сами-то исполнители думают о спетых ими песнях, сказанных былинах и рассказанных сказках. Есть, однако, все-таки достаточно надежный, думается, источник для прояснения взглядов сказителей на поэтику былины. Это комментарии и ремарки самих сказителей в момент сказывания или рассказывания (если текст прозаизирован) былины.

Нужно также учитывать, что не все собиратели считали нужным их строго фиксировать, что оценивается А. М. Астаховой как характерная черта «старого собирания» [11, с. 690], и не все сказители считали нужным сопровождать исполнение своими комментариями. Как следствие, статистика в данном случае невозможна. Остается, стало быть, полагаться на внутреннюю логичность картины, получаемой в итоге рассмотрения такого статистически недостоверного материала. И по той же причине всякое наблюдение и всякий вывод из приводимых ниже следовало бы всегда сопровождать уточнениями «иногда» или «по комментариям сказителя иная»; но такие уточнения слишком утяжелили бы текст, почему и приходится быть не слишком скрупулезным.

Приходится еще, наконец, учитывать, что не всегда может быть строго определено различие между спонтанным комментарием сказителя по ходу сказывания и прозаизированными фразами или целыми фрагментами текста. Одно дело, когда сказитель выделяет свои комментарии интонационно-ритмически или как прямое обращение к собирателю, и другое — когда он, не справившись с построением строго былинного стиха или просто не помня «текста», пересказывает прозой соответствующий фрагмент былинной фабулы (фабула здесь понимается как «событие, развивающееся в жизни персонажей»). Такие прозаические пересказы стоит, конечно, квалифицировать все-таки как изложение фабулы, т. е. рассматривать их как фрагмент собственно былинного текста. Есть, однако, случаи, когда прозаизированная фраза должна рассматриваться в одном ряду с «чистыми» комментариями.

Приоритет в изучении былинных ремарок принадлежит, по всей видимости, А. М. Астаховой. В 1951 г., излагая свои «некоторые наблюдения в области исполнения былин» (так назван соответствующий раздел ее книги), отдельное внимание она уделяет ремаркам и замечаниям сказителей в ходе исполнения былин [11, с. 690–696]. По мнению А. М. Астаховой, они являются «одним из значительных моментов исполнения», «одним из проявлений реальной поэтической жизни фольклорного произведения», «наличие или отсутствие, количество и характер» которых — «один из моментов, определяющий самый стиль произведения» [11, с. 690]. Затем, с горечью констатируя, что в отношении фиксации ремарок сказителей, их замечаний, а также фиксации «других аналогичных моментов исполнения, таких как реплики аудитории, жестикуляция сказителей и т. п.», «наше современное собрание еще мало подвинулось вперед по сравнению с прежним» [11, с. 690–691], А. М. Астахова и приступает непосредственно к классификации и характеристике сказительских ремарок и замечаний.

Согласно А. М. Астаховой, ремарки сказителей по своему «характеру и назначению» подразделяются на три группы: 1) ремарки пояснительные; 2) ремарки повествовательные, вносящие дополнительные моменты в повествование или предваряющие дальнейший рассказ; 3) ремарки лирические, выражающие личное отношение исполнителя к поэтическим образам, дающие оценки событию и т. п. [11, с. 691].

К ремаркам этих типов мы еще будем возвращаться, пока же стоит отметить, что А. М. Астахова недооценила значение своих наблюдений. Очевидно, что главный источник сказительских ремарок и комментариев — это как сами по себе уже сказанные слова былинного текста (тирады, стихи, части стихов и отдельные слова), так и слова (в тех же синтагматических объемах), которым еще предстоит быть произнесенными позже. Сказав стих, строку или отдельное слово, сказитель может сделать отсылку к своему жизненному опыту, усилить суггестивность сказанного, извлечь из него какой-либо вывод этического характера, просто выразить свое восхищение только что описанными действиями героя, внести необходимое, по его мнению, историко-этнографо-лексикологическое уточнение. Имея же в виду дальнейшее развитие изображаемого в данный момент события, сказитель может заранее предупредить слушателя о том, что оно произойдет, как бы заранее его предвкушая. Неразрывен от первого и второй источник сказительских комментариев — собственный жизненный и эстетический опыт сказителя, собственно, и побуждающий его к комментариям сказанного им самим. Иными словами, возникает задача посмотреть, что именно в былинном тексте, по мнению, по вкусу сказителя, «требует» пояснения, что именно «требует» дополнения, что именно «вызывает» личное отношение сказителей и его «оценки» и каковы, собственно, по своему содержанию эти отношения и оценки. В итоге же мы можем получить, как представляется, достаточно надежные основания судить, в частности, о том, что самим сказителям доставляет эстетическое наслаждение, а чего им как бы «недостает» в сказываемом ими тексте, т. е. о том, «какой должна быть некая идеальная былина». Ины-

ми словами, ясно, что сказительские ремарки — не только «одно из проявлений реальной поэтической жизни фольклорного произведения», но они не могут быть совсем оторваны от жанровой и/или родовой поэтики текстов, но более или менее отчетливо их манифестируют.

Характеризуя в завершении раздела, посвященного ремаркам, географическую специфичность их распространенности, А. М. Астахова отмечает специфическое для Мезени и Печоры «явление, тоже до сих пор не отмечавшееся. Это короткие прозаические концовки, замыкающие рассказ, типа “Конец”, “Ну, больше конец”, “Больше конец”, “Больше всё”, “Боле вся” и т. п.». Объяснение же их значения в процессе сказывания А. М. Астахова видит в том, что «назначение этих концовок, как и всякого былинного “исхода”, — возвращение слушателей к покинутой ими на время реальной действительности» [11, с. 695]. Сейчас, по всей видимости, уже невозможно установить, кому принадлежит авторство идеи о том, что слушатель нуждается в возвращении «в реальную действительность», которую он якобы «на время покидал» (подобные утверждения высказывались и о сказочных концовках), и столь же трудно согласиться с этим утверждением.

Чаще всего завершение былины самоочевидно и как бы не нуждается в *специальном* обозначении, поскольку со смертью антагониста или разгромом вражеского войска, или иным по событийному содержанию разрешением коллизии сказителю как бы «не о чем больше и петь»:

(1)

... Как садится Сокольник на добра коня.
Тут стар его по руки и ноги и розорвал.
Тут Сокольнику смерть случилася.
[12, I, № 11]**

Или:

Василий Буслаев, набрав дружину и будучи во хмелю, «бьется о велик заклад», что его дружина, судя по всему, одержит победу в «битве, драке со всем Новым городом». Разумеется, в конце концов ему самому приходится принять самое живое участие в разгоревшейся «драке», что грозит Новгороду полным разорением. И лишь «Васильева матушка, чудесна вдова Амелъфа Тимофеевна» оказывается в силах унять его:

Побежала она ко чудну кресту,
Ко чудну куресту, ко живу мосту,
Ко матушки к реке Волхови,
Унела свое дорого цядо,
Младого Васиья Буслаевича.
[12, I, № 14–I]

Соответственно, нет и нужды «возвращать» слушателя в действительность, которую он якобы покидал. Главное — завершить, исчерпать за время повествования событие, о котором это повествование и ведется. Ремарки «Конец», «Более и всё» и т. д. эту завершенность и констатируют, не более.

** Если при указании источника текста не указываются строки, то они являются конечными.

Говоря об осознании самими сказителями необходимости завершить, исчерпать в итоге повествования событие, о котором, собственно, и повествуется, нельзя обойти вниманием и краткие или относительно пространственные прозаические констатации, не содержащие слова «конец» или производных от него, но однозначно указывающие на завершение фабульного события и, соответственно, повествования о нем.

(2)

Матушка Скопина, увидев отравленного сына

... Тогда бросалась вон на улицу,

Побежала она тут к петинарному

(*Лечить*).

Тут его и вылечили.

[12, I, № 51]

(3)

Добрыня, движимый соображениями богатырской чести, возвращается к «черну шатру» Дуная, где на богато накрытых «столах кедровых» лежит «ерлык да скорограмотный», содержащий «угрозы богатырские» с категорическим запретом под страхом смерти «не пить и не кушать» в шатре. Добрыня, разумеется, полностью разоряет шатер, после чего ложится спать. Дунай, вернувшийся к своему разоренному шатру, из тех же соображений «чести молодецкой», по всей видимости, будит Добрыню. А. М. Чупров не помнил продолжения, в чем и признался, но повествование все же завершил той же прозаической констатацией разрешения конфликта:

Дунай, прираздумавшись, обращается к Добрыне:

«Мне не честь-хвала молодецкая...

Не пора ли тебе стать да разбуджиться,

С великим хмелем да росстоватися!».

(*Дальше не помню хорошо*). Тут они дрались целы сутки. Стар казак приехал, учул, што они дерутця и их рознял.

[12, I, № 52]

(4)

Некий безымянный «детина, удалой дородный добрый молодец» сначала тщетно требует у «надёжи царя православного ерлыков да скорограмоток», каковые позволили бы ему «пить вино безденежно», а затем, судя по всему, не добившись таковых, самостоятельно берет требуемое, о чем и сообщается в последней прозаической фразе:

«... Щобы дали мне-ка пить вино безденежно».

Взял пошел в кабак, сороковку выпил, взял под пазуху, унес, дружей поить стал.

[12, I, № 54]

Конечно, случаи (3)–(4) и им подобные в известном смысле маргинальны: сказители либо просто «не знают текста», либо не обладают творческим потенциалом и не владеют поэтическим арсеналом, достаточными для претворения нужного элемента фабулы в былинный стих, но это-то и показательно. Необходимость исчерпать событие ими явно ощущается как насущная.

Но иногда сказитель все же считает нужным *специально* указать на *завершение* текста и/или фабульного события, о развитии которого в тексте повествуется. Делается это посредством тех самых кратких констатаций типа «Конец» или «Более всё», каковые и отмечены А. М. Астаховой в качестве характерных для Мезени и Печоры.

Количество примеров таких концовок в мезенской и печерской традициях можно без труда умножить, но стоит заметить, что здесь мы сталкиваемся с закономерностью, актуальность которой *много шире* этих локальных былинных традиций в частности и былинной традиции вообще.

Во-первых, слова «конец» и производные от него реже, по А. М. Астаховой [11, с. 695–696], но встречаются в конце не-мезенских и не-печерских текстов (не обязательно строго былинных): «Тым былина покончилась», «Вот и всё, на этом и конец», «Да тем былиночка покончена», «Да и тем былиночка покончилась» и т. д. [12, II, № 111, 119, 131, 134 соответственно].

Во-вторых, сходные с былинными или сопоставимые с ними способы указания на завершение, исчерпанность некоего фабульного события (описание хода протекания которого и составляет сюжет) известны как минимум волшебным сказкам (канонические концовки типа «И я там был...»), украинским думами и восточнославянским мифологическим рассказам.

(5)

После пожелания казака Голоты, чтобы казаки, помимо прочего, «неприятеля під носі топтали!», следуют слова кобзаря, выходящие *за пределы* непосредственно сюжета:

Слава не вмре, не поляже
Однині до віка!
Даруй, боже, на многі літа!
[13, с. 76]

Или, описав погребение «премудрого лицаря», кобзарь высказывает аналогичное молитвенное пожелание:

Услиши, господи, у просьбах, у молитвах
Люду царському,
Народу християнському
І всім головам слухащим,
Вот на многі літа
До конца віка,
До конца віка!
[13, с. 88]

Или еще:

Так слава їх козацька молодецька не помре, не поляже.
Утверди, господи, люду царського,
Імператорського
І всім головам слухаючим пошли, боже, на многая літа
І до конца віка!
[13, с. 93]

В этих и множестве иных подобных формулах, характерных для украинских дум, мы не встречаем выражения типа «Еще тым былиночка покончилась», но композиционное назначение их явно аналогично былинным — обозначить завершение исполнения произведения (хотя далеко не всегда кобзари считают нужным это сделать, ограничившись изложением неких завершающих фабульных событий, как и былинные сказители тоже).

Несколько иных оговорок требуют некоторые завершающие фразы в ходе исполнения мифологических рассказов. Известно, что в живом аутентичном исполнении мифологический рассказ, будучи не выделен из потока бы-

товой речи (в отличие от волшебных сказок, былин и дум), может породить длительные обсуждения и комментарии как исполнителя, так и слушателей. Это, к сожалению, фиксируется не всегда, так что понять, каковы типичные формы завершения мифологического рассказа (если они вообще существуют), уже вряд ли и возможно. Свои возмущения в процесс рассказывания вносит и собиратель, часто выступающий в роли активного слушателя, иницировавшего само рассказывание. Рассказчик как бы обязан дать понять собирателю, что рассказ, собственно, завершен (т. е. ответ на вопрос собирателя им дан). Имея дело с посторонним человеком, явно принадлежащим к ученому сословию, рассказчик как бы должен также выразить свое отношение к рассказанному в аспекте веры vs неверия. Тем не менее можно уверенно допускать, особенно имея перед собой материалы такого мастера полевой работы, как В. П. Зиновьев, что приводимые ниже образчики выражений, сигнализирующих об окончании рассказывания, т. е. о выходе рассказчика за пределы своего повествования, вполне аутентичны.

Вот некоторые типичные фразы такого рода (хотя их типичность нуждается в подтверждении); далее номера текстов приводятся по [14]:

(6)

Это действительно правда, даже и я верю [№ 149].

У него черти выскакивали. А ить непьяный. Была така штука [№ 157].

Тот срок, что им дожить оставалось, они на чертей батрачили. Вот так-то [№ 160].

Или более показательные:

Вот така штука [№ 171].

Это былъ была [№ 180].

Ну и все! [№ 391].

Вот тебе и все. Это бывало так [№ 76].

Возвращаясь к былинной поэтике, можно уверенно предположить, что перед нами необязательное для былины проявление некоего общего закона, актуального для текстов с развитой повествовательностью, т. е. с развитой фабулой и, соответственно, сюжетом, потенциально могущими развиваться бесконечно. Эта потенциальная бесконечность, по всей видимости, и требует слова «конец», сигнализирующего слушателю, что дальше «ничего не будет». В пользу этого свидетельствует хотя бы обязательность слова «конец» в конце едва ли не всякого *литературного* повествовательного произведения (рассказа, повести, романа, новеллы).

Нужно также отметить, что в настоящей статье речь шла только об одной особенности былинной поэтики. Она ставит былину в один ряд с некоторыми текстами с развитой повествовательностью, но *не характеризует* ее в родовом отношении (эпический анекдот в таком завершении не нуждается) и уж тем более не носит *жанрового* характера. Этим вопросам и будут посвящены последующие статьи.

Литература

1. Пропп В. Я. Открытая лекция // Неизвестный В. Я. Пропп: Древо жизни. Дневник старости. Переписка. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 364–376.
2. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. — СПб., 2003.
3. Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. — М.: Наука, 1975.
4. Игумнов А. Г. Эмпирическое в архитектонике былины // Вестник Забайкал. гос. ун-та. — 2010. — № 1. — С. 88–93.
5. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. — М.; Саратов, 1924.
6. Пропп В. Я. Русский героический эпос. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.
7. Путилов Б. Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. — М.: Наука, 1975. — С. 164–181.
8. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. — Л., 1982.
9. Аникин В. П. Теоретические проблемы историзма былин в науке советского времени. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — Вып. 1. — С. 8–32.
10. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Наука, 1979.
11. Астахова А. М. Некоторые наблюдения в области исполнения былин // Былины Севера / подг. текста и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1951. — Т. 2.
12. Былины Севера. — Т. 1 / зап., вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1938; т. 2 / подг. текста и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1951.
13. Украинские народные думы / сост. Б. П. Кирдан. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.
14. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьева; коммент., науч. аппарат В. П. Зиновьева, Г. Н. Зиновьевой, Н. Л. Новиковой. — Новосибирск: Наука, 1987.

Contemporary poetics of byliny

Article 1

Andrey G. Igumnov

PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Literature and Folklore,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with the comments and remarks made by epic narrators during the performance of byliny. We have made a focus on expression of the narrators' unconscious ideas about epic poetics in the comments and remarks. One of its features, typical for some texts with developed narrative, is a certain general law for performance of byliny, which requires marking completion of verbal narrative text by means of special formulas. In bylinas it is formulaic ending like "So bylinochka was ended", in Ukrainian thoughts — formulaic appeals of kobzars to "Christian people", in East Slavic mythology — expression of narrator's personal relation to the narrated in the aspect of faith vs disbelief.

Keywords: bylina, poetics, performance, narrator, narrative remarks, narrative comments.

References

1. Propp V. Ya. Otkrytaya lektsiya [The Open Lecture]. *Neizvestnyi V. Ya. Propp: Drevo zhizni. Dnevnik starosti. Perepiska* — Unknown Vladimir Propp: *The Tree of Life. Diary of Ageing. Correspondence*. St Petersburg: Aleteiya Publ., 2002. Pp. 364–376.
2. Putilov B. N. Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memoriam [Folklore and Popular Culture. In Memoriam]. St Petersburg., 2003.
3. Dmitrieva S. I. *Geograficheskoe rasprostranenie russkikh bylin* [Geographical Spread of Russian Byliny]. Moscow: Nauka Publ., 1975.

4. Igumnov A. G. Empiricheskoe v arkhitektonike byliny [Empirical in the Architectonics of Bylina]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Transbaikal State University*. 2019. No. 1. Pp. 88–93.
5. Skaftymov A. P. *Poetika i genesis bylin* [Poetics and Genesis of Byliny]. Moscow; Saratov, 1924.
6. Propp V. Ya. *Russkii geroicheskii epos* [Russian Heroic Epic]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1957.
7. Putilov B. N. Tipologiya fol'klornogo istorizma [The Typology of Folk Historicism]. *Tipologiya narodnogo eposa — The Typology of National Epic*. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 164–181.
8. Azbelev S. N. *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of Byliny and the Specifics of Folklore]. Leningrad, 1982.
9. Anikin V. P. *Teoreticheskie problemy istorizma bylin v nauke sovetskogo vremeni* [Theoretical Problems of Byliny Historicism in Soviet Science]. V. 1. Moscow: Moscow State University Publ., 1978. Pp. 8–32.
10. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1979.
11. Astakhova A. M. Nekotorye nablyudeniya v oblasti ispolneniya bylin [Some Observations of Byliny Performance]. *Byliny Severa — Byliny of the North*. Moscow; Leningrad, 1951. V. 2.
12. *Byliny Severa* [Byliny of the North]. Moscow; Leningrad, 1938–1951.
13. *Ukrainskie narodnye dumy* [Ukrainian Folk Thoughts]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1962.
14. *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Mythological Stories of the Russian Population in Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987.